

DOI: 10.17976/jpps/2022.01.07

РЕГИОНАЛИСТСКИЕ ПРОЕКТЫ В НЕЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ: АКТОРЫ, ЛЕГИТИМАЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

И.К. Кирьянов, П.В. Панов

КИРЬЯНОВ Игорь Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, email: ikiryaynov@yandex.ru; **ПАНОВ Петр Вячеславович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, email: panov.petr@gmail.com

Кирьянов И.К., Панов П.В. 2022. Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 67–85. <https://doi.org/10.17976/2022.01.07>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 “Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)”) в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН (разделы первый и третий; П.В. Панов) и в рамках научного направления кафедры междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ “Социокультурная и политическая динамика российского общества в XIX – начале XXI вв.” (раздел второй; И.К. Кирьянов).

Статья поступила в редакцию: 13.05.2021. Принята к публикации: 05.07.2021

Аннотация. Регионалистские движения в постсоветской России хорошо изучены применительно к этническим республикам, однако в начале 1990-х годов регионалистские проекты получили широкое распространение и в неэтнических регионах. Это был явно выраженный “реактивный регионализм”: на фоне расширения полномочий республик “русские” области и края выдвигали проекты, нацеленные на повышение их статуса до уровня республик. Несмотря на то, что со второй половины 1990-х годов произошел спад регионализма, в некоторых регионах сохранились регионалистские проекты. В статье ставится задача ответить на вопрос, как легитимируются и “работают” неэтнические регионалистские проекты. Теоретически их эффективность связана с конфигурацией акторов, а также с тем, насколько акторам удается наполнить их легитимирующими смыслами. Наиболее благоприятной представляется такая конфигурация, когда в продвижении проекта участвуют все три группы акторов: региональные власти (“регионализм сверху”), активисты (“регионализм снизу”), интеллектуалы. Поэтому для углубленного исследования были отобраны те регионалистские проекты (Балтийская республика в Калининградской области, Уральская республика в Свердловской области и Поморская республика в Архангельской области), где на протяжении второй половины 1990-х и в 2000-е годы в отдельные периоды складывалась благоприятная конфигурация акторов, но поскольку во всех случаях она менялась, сравнительный анализ этих проектов в динамике позволяет ответить на поставленный вопрос. В результате исследования сделан вывод, что наличие благоприятной конфигурации акторов не является решающим фактором для обретения проектом общественной поддержки. Более важна эффективная легитимация проекта. В Архангельской области, где расклад акторов был наиболее благоприятным, “этнизация” регионалистской идеи не нашла широкой поддержки, тогда как население Калининградской области, напротив, продолжало позитивно относиться к регионалистской идее даже в 2000-е годы, когда власти перестали ее продвигать.

Ключевые слова: регионализм, регионалистский проект, конфигурация акторов, легитимация, поддержка, сравнительный анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Подъем регионалистских движений стал одним из наиболее значимых проявлений трансформации политического порядка в конце XX – начале XXI в. Тенденции к децентрализации и регионализации политики, перехода к многоуровневому управлению (*multi-level governance*) получили широкое распространение. Россия в этом отношении не исключение. Хотя в 2000-е годы здесь возобладал тренд на централизацию, регионализм воспроизводится в таких формах, как конструирование и продвижение региональных идентичностей [Назукина 2020], активность регионов в многоуровневом управлении [Сулимов 2020] и т.д. В латентном виде сохраняется и такая форма регионализма, как стремление к политической субъектности регионов во взаимоотношениях с центром. Она проявляется в наличии акторов, имеющих регионалистские интенции, выдвигающих регионалистские требования и проекты.

Вместе с тем регионы России демонстрируют значительную вариативность с точки зрения и форм проявления регионализма, и его эффективности (“действенности”, “успешности”), уровня поддержки в региональном сообществе. Наиболее сильные регионалистские движения в 1990-е годы наблюдались в российских “национальных республиках”, и это полностью соответствует результатам исследований в зарубежных странах, которые доказывают, что более успешны этно-регионалистские движения, которые апеллируют к этнической специфике региона [Jeffery 2009; Fitjar 2010]. Однако в ряде случаев регионалистские проекты получили развитие и в неэтнических субъектах (областях и краях) Российской Федерации, и этому также имеются аналоги за рубежом: Истрия (Хорватия), Воеводина (Сербия), Кантабрия (Испания) и т.д.

В данной работе на эмпирическом материале российских неэтнических регионов мы рассматриваем, как легитимируются и “работают” неэтнические регионалистские проекты. Мы полагаем, что их эффективность связана с конфигурацией акторов, продвигающих регионалистские проекты, а также с тем, насколько акторам удается наполнить их легитимирующими смыслами. В первой части статьи представлены концептуальные и теоретические основания исследования. Затем кратко описана общая траектория развития регионализма в России, исходя из чего отобраны три случая для углубленного анализа. В третьей части изложены результаты сравнительного исследования этих случаев, а в заключении представлены выводы.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Регионализм и регионалистские проекты. Регионализм представляет собой многозначный концепт, что отражает многогранность самого явления. В соответствии со ставшим классическим определением М. Китинга, “регионализм включает в себя три элемента: а) движение, требующее территориальной автономии в рамках унитарного государства; б) организация государства таким образом, что общественные блага предоставляются на основе того, что регионы реализуют свои собственные политические курсы; в) политическая децентрализация и региональная автономия” [Keating n.d.].

Что касается первого пункта, он, на наш взгляд, требует уточнений, поскольку регионалистское движение может возникать не только в унитарных государствах, но и в федерациях, и в условиях, когда регион уже обладает автономным статусом, т.е. цели у него могут быть более разнообразными. Поэтому мы определяем регионалистское движение шире – как *стремление*

к обретению регионом политической субъектности, и это может включать как получение автономного статуса, так и “увеличение” автономного статуса, повышение качества реализации автономного статуса, предоставление особых полномочий и участия в принятии решений в какой-то конкретной сфере политики, особенно чувствительной для данного региона, и т.д. [Панов 2020: 105]. В условиях, когда отношения между центром и регионами развиваются асимметрично и некоторые административно-территориальные единицы обладают преференциями (особым статусом), может возникнуть “реактивный регионализм”, когда чувствующие себя ущемленными регионы требуют тех же преференций, которые есть у других [Hombrado 2011]. Специфический вариант регионалистских устремлений — требование создания нового политико-административного региона в тех случаях, когда некая территория воспринимается как регион, но не является административно-территориальной единицей. Опираясь на классификацию уровней политико-территориальной организации общества И.Ю. Окунева, его можно обозначить как “супра-регионализм” [Окунев 2019: 12]. Так или иначе, регионализм как движение предполагает продвижение некоего регионалистского проекта, в котором артикулируются и обосновываются соответствующие требования.

Вторая коннотация в определении М. Китинга относится к проводимой сверху политике перераспределения властных полномочий в пользу регионов (*top-down regionalism*)¹, а третья указывает на наличное состояние взаимоотношений между центром и регионом. Кроме того, нередко регионализм понимается как разнообразие региональных ландшафтов на территории национального государства [Бусыгина 2006: 10-12]. Иначе говоря, в коллективном восприятии регионы выделяются как внутренне гомогенные, но специфичные, дифференцированные от других, т.е. речь идет о достаточно интенсивной региональной идентичности.

Суммируя, можно выделить три ключевых коннотации регионализма: 1) интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии; 2) движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности; 3) модель взаимоотношений между центром и регионом, когда последний уже обладает политической субъектностью. В данной работе акцент сделан на второй коннотации, которая фиксирует деятельность регионалистских акторов, продвигающих и обосновывающих регионалистский проект. Несколько забегаая вперед, заметим, что поскольку эмпирическим материалом являются неэтнические регионы России (области и края), в качестве регионалистских рассматриваются те проекты, которые нацелены на повышение их политико-правового статуса до уровня республики.

Конфигурации акторов. “Регионалистов”, т.е. политических акторов, которые “создают” и продвигают регионалистский проект, можно разделить на три категории. К первой — “регионализм снизу” (*bottom-up regionalism*) — относятся в первую очередь регионалистские политические партии². В тех странах, где

¹ Чаще этот процесс концептуализируется через понятие “регионализация”, а не “регионализм” [Бусыгина 2006: 12; Туровский 2006: 45; Яровой 2007: 58]. В то же время термин “регионализация” используется и в другом смысле, для обозначения нарастания специфики региональных политических процессов как тенденции, противоположной “национализации” [Dandoy, Schakel 2013; Schakel 2017].

² Регионалистскими являются партии, которые действуют в одном (или нескольких) регионе страны и выдвигают регионалистские по своему характеру требования [Dandoy 2010; Massetti, Schakel 2016].

такие партии отсутствуют³, “регионализм снизу” проявляется в деятельности активистов общественных организаций. Вторая категория — “элитный регионализм”, или “регионализм сверху” (*top-down regionalism*). Это акторы, входящие в правящую (властную) региональную элиту, если они имеют более или менее явно выраженные регионалистские интенции и так или иначе продвигают регионалистские проекты. В некоторых случаях (Шотландия, Аланды, Южный Тироль, Страна Басков и т.д.) регионалистские партии получают власть в своем регионе, и тогда они относятся не к первой, а ко второй категории. Наконец, отдельно следует выделить такую группу акторов, как интеллектуалы. Нередко именно в кругу интеллектуалов и рождаются регионалистские проекты, но даже если проект инициирован политиками, очевидно, участие интеллектуалов имеет существенное значение для легитимации проекта и его продвижения.

Можно предположить, что наиболее благоприятна для успеха регионалистского проекта такая конфигурация, когда имеются все три категории акторов, т.е. в продвижении и легитимации проекта участвуют и интеллектуалы, и региональные власти, и активисты снизу. Правда, взаимоотношения между ними могут быть разными, в том числе возможна конкуренция и даже конфликты (вследствие, например, разных взглядов на характер регионалистских требований) как между отдельными категориями, так и внутри них.

Легитимация регионалистского проекта. Чтобы регионалистский проект получил достаточно широкую поддержку, требуется его легитимация, под которой вслед за П. Бергером и Т. Лукманом мы понимаем деятельность акторов по “объяснению и оправданию” [Бергер, Лукман 1995: 104] существующего институционального порядка либо проекта, направленного на его трансформацию. В последнем случае людей нужно убедить в том, что существующий порядок взаимоотношений между центром и регионом следует изменить, что регион (региональное сообщество) заслуживает большей субъектности в отношении с центром. Соответственно, необходимо конструировать и транслировать смыслы, обосновывающие особость, региона, т.е. акцентировать и интенсифицировать региональную идентичность.

Конструирование региональной идентичности и легитимация регионалистского проекта могут иметь несколько оснований (способов). Как уже отмечалось, наиболее “простым” для продвижения является *этнокультурное основание*, поскольку на обыденном уровне этничность зачастую воспринимается в примордиалистском ключе. В любом регионе, однако, проживают представители разных этнических групп, так что для региональной идентичности значима не этничность как таковая, а “этническая специфика территории”.

Другое важное основание для конструирования региональной особости — *специфика исторического развития*. В первую очередь это наличие у региона в прошлом собственной государственности или принадлежность другому государству. В этих случаях большое значение имеет, как именно данный регион оказался в составе “наличного” государства, было ли сопротивление этому, военные действия, конфликты и т.п. Но даже если регион всегда был в составе “наличного” государства, он мог когда-то обладать особым статусом, который впоследствии

³ В России региональные политические партии были распространены в 1990-е годы, но в 2001 г. был принят № 95-ФЗ “О политических партиях”, который требует от партий иметь отделения в не менее чем половине субъектов РФ. Примечательно, что впоследствии председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин обосновал фактический запрет региональных партий тем, что они в современной России способны “оказать механизм провоцирования сепаратизма или даже инициирования государственного распада”. См.: Зорькин В.Д. *Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда*. 2012. <http://www.ksrf.ru/ru/news/speech/pages/ViewItem.aspx?ParamId=56> (accessed 14.03.2021).

был утерян. Все эти события могут сохраняться в исторической памяти и актуализироваться в процессе легитимации регионалистских проектов.

Еще одним основанием для региональной идентичности может быть *географическая специфика* региона. Подобно примордиалистскому восприятию этничности, географическое положение воспринимается в массовом сознании как “объективная данность”: остров, пограничность, эксклавность, фактическая оторванность от центральной части территории страны в силу удаленности, труднодоступности и т.д. Наконец, значимым способом конструирования региональной идентичности выступает *экономическая специфика* региона. Речь здесь не только об особой структуре экономики (нефтяные, угольные, хай-тек регионы и т.п.), но и об общем уровне экономического развития. Многочисленные исследования доказывают, что более развитые экономически регионы склонны к регионализму, поскольку считают себя ущемленными в результате политики перераспределения, которую проводят “в пользу бедных” национальные правительства [Cartrite, Miodownik 2016].

Таким образом, главная гипотеза исследования заключается в том, что на успешность регионалистских проектов, направленных на получение статуса республики (зависимая переменная), в неэтнических регионах постсоветской России влияют две группы факторов (независимые переменные): 1) конфигурация акторов, инициирующих и продвигающих проект, и 2) способы легитимации этого проекта. Конфигурация акторов выявляется через “плотные описания” “истории проектов”, способы легитимации — через тексты (публичные выступления и интервью, которые отложились в официальных материалах и средствах массовой информации) политиков, активистов, интеллектуалов и экспертные оценки. Что касается зависимой переменной, успешность регионалистского проекта можно оценивать по-разному. Самый жесткий вариант — его результативность: получен республиканский статус или нет. Однако поскольку ни один из проектов не был реализован, более адекватно для понимания успешности будет использование уровня поддержки регионалистского проекта в широких массах. При наличии регионалистских партий поддержку регионализма можно было бы легко замерить по их электоральным результатам, но поскольку регионалистские партии в России отсутствуют, степень успешности оценивается через результаты опросов общественного мнения, переписей населения, экспертные оценки. В ряде случаев опросы общественного мнения проводились по заказу федерального центра, что свидетельствует о его обеспокоенности ситуацией в регионе⁴. При этом беспокойство федерального центра, которое проявлялось не только в форме замеров общественного мнения, но и в иных действиях (административное давление, назначение в регион губернаторов-варягов и т.д.), само по себе свидетельствует о том, что проект пользуется поддержкой общественности.

“РЕСПУБЛИКАНИЗАЦИЯ” В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Подъем регионализма на территории современной России в начале 1990-х годов был вызван процессами распада Советского Союза и борьбой между двумя центрами власти. Оба центра — союзный в лице Горбачева и российский в лице

⁴ Например, в Калининградской области опросы общественного мнения проводились группой ЦИРКОН по запросу специального представителя президента РФ по проблемам Калининградской области Д.О. Рогозина. См. “Калининградская проблема” в зеркале общественного мнения. Аналитический обзор. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН. 2002.

Ельцина – искали поддержки у региональных элит. 26 апреля 1990 г. в СССР был принят закон “О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации”, который уравнивал в правах автономные и союзные республики. В ответ на это, стремясь сохранить республики в составе РСФСР, Ельцин 6 августа 1990 г., выступая в Казани, произнес знаменитую фразу: “Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить”⁵. Благодаря этому в декабре 1991 г., когда Советский Союз был распущен, автономные республики остались в составе провозглашенной Российской Федерации. При этом практически во всех республиках были приняты декларации о суверенитете, во многих были введены должности и избраны собственные президенты, а некоторые республики даже объявили о приоритете республиканских законов над федеральными, ввели собственные налоги и т.д.⁶ В целом степень радикализма (сепаратизма) в республиках существенно различалась [Treisman 1997; Музаев 1999; Gorenburg 2003; Giuliano 2006; Hale 2008; Shcherbak 2015], однако в конечном счете везде (за исключением Чечни) верх одержали сторонники умеренной регионалистской линии.

Регионалистские настроения возникли и в неэтнических (“русских”) регионах. Это был явно выраженный “реактивный регионализм”: на фоне повышения статуса и полномочий национальных республик “русские” области и края стали выдвигать проекты, нацеленные на повышение их статуса до уровня республик. Во многом это стимулировалось тем, что до принятия в декабре 1993 г. новой Конституции оставалась неопределенность относительно территориально-государственного устройства РФ. Кроме того, сохранялась и политическая неопределенность, поскольку на протяжении 1992 и 1993 гг. нарастало противостояние между президентом РФ и Верховным советом РФ, и отдельные группы региональных элит поддерживали разные стороны.

Идеи республиканизации начали высказываться еще в ходе выборов народных депутатов РСФСР в 1990 г. Тезис о создании на территории Калининградской области Балтийской Автономной Советской Социалистической Республики, а также первой в стране свободной экономической зоны (зоны свободного предпринимательства) помог победить на выборах в народные депутаты РСФСР профессору экономики Ю.С. Маточкину, который позднее стал первым губернатором региона. А в Архангельской области о перспективах повышения статуса области до уровня республики говорил в ходе предвыборной кампании первый секретарь обкома КПСС Ю.А. Гуськов.

В июне 1990 г. Тюменский областной совет народных депутатов, обеспокоенный планами руководства Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов приобрести статус автономных республик и выйти из состава области, обратился к президенту РСФСР с письмом, в котором выражал несогласие с ситуацией неравноправности субъектов федерации. Ситуацию удалось урегулировать благодаря указу Б.Н. Ельцина “О развитии Тюменской области” № 122 от 19 сентября 1991 г.⁷ Похожие дискуссии проходили и в других сложносоставных регионах.

⁵ Ельцин Б. 2015. Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить. *Ельцин-Центр*. <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/> (accessed 14.03.2021).

⁶ Несколько автономных областей в этом контексте повысили свой статус до автономных республик: Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия, Адыгея.

⁷ Шафраник Ю. От слесаря до министра с “перерывом” на большую политику. *Сибирское богатство*. 12.02.2014. <https://tyumedia.ru/143842.html> (accessed 14.04.2021).

Большинство проектов республиканизации пришлось на 1993 г. Помимо того, что в стране накалялось противостояние между президентом и Верховным советом, это стимулировалось еще и работой Конституционного совещания⁸. В ряде областей РФ вопрос о придании статуса республики был вынесен на Всероссийский референдум 25 апреля 1993 г. Дополнительно к вопросам, поставленным федеральными властями. Так, в Вологодской области 88% избирателей высказались за повышение статуса области. В Санкт-Петербурге повышение статуса города до уровня республики в составе РФ поддержали 74,6% избирателей, и 29 апреля городской совет постановил, что Санкт-Петербург должен иметь такие же полномочия, как и республики в составе РФ. В этом случае, правда, был найден компромисс с федеральным центром: в обмен на получение статуса самостоятельного субъекта федерации город отказался от своих требований [Минеев 2015: 86].

Наиболее острая ситуация сложилась в уральских регионах. В Свердловской области за повышение статуса проголосовали 83,4% избирателей, и 1 июля Свердловский областной совет принял решение о провозглашении Уральской Республики. Поначалу речь шла не просто о республиканизации Свердловской области, но и о создании нового “супрарегиона”. 14 сентября в рамках семинара “Уральская Республика и целостность российского государства” главы Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областей подписали совместное заявление (меморандум) об участии в проекте “Большая Уральская Республика”. Однако очень скоро другие регионы отказались от участия в проекте, не желая оказаться под властью свердловских элит, так что проект утратил “супрарегиональный” характер. 27 октября Свердловский областной совет утвердил Конституцию Уральской республики. Референдум по ней должен был состояться 12 декабря одновременно с выборами губернатора и двухпалатного Законодательного собрания Уральской Республики. Но в ноябре указами президента РФ Свердловский областной совет был распущен, губернатор Э.Э. Россель отстранен от должности, а все решения по Уральской Республике были признаны не имеющими силы [Мошкин 2013; Осипов 2018]. В Челябинской области в марте 1993 г. областной совет выразил недоверие назначенному главе администрации региона В.П. Соловьеву и объявил о проведении выборов, на которых победил коммунист П.И. Сумин, чья предвыборная программа исходила из необходимости повышения статуса области в составе РФ. Хотя Конституционный Суд подтвердил полномочия Сумина, он не был признан президентом, и в регионе возникло двоевластие. 8 июля областной совет принял постановление “О государственно-правовом статусе Челябинской области и преобразовании ее в Южно-Уральскую республику”. Проведенный в августе социологический опрос населения выявил, что идею преобразования области в республику поддерживали 28% респондентов [Князев 2015].

“Волна” проектов республиканизации накрыла и регионы восточнее Урала. В Красноярском крае, где в апреле 1993 г. проходили выборы главы админи-

⁸ В частности, об этом говорил начальник отдела Государственно-правового управления президента России А.В. Маслов: “Эта проблема возникла как раз в период летней работы Конституционного совещания. За прошедшее время она не исчезла, и надо признать, что это движение за преобразование краев и областей в республики имеет достаточно глубокие корни и основывается не только на каком-то стремлении к сепаратизму или к тому, чтобы обзавестись государственными символами — флагом, гербом и красивыми названиями государственных органов, но и диктуется в значительной степени экономическими потребностями” (*Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы*. 1996. Т. 18. М.: Юридическая литература. С. 76).

Россия сегодня страции, один из кандидатов, председатель Красноярского краевого совета В.А. Новиков, заявил, что приложит все усилия для превращения региона в Енисейскую республику. Выборы Новиков проиграл в первом туре, получив менее 1% голосов, а губернатором был избран сторонник президента РФ В.М. Зубов. В мае 1993 г. депутаты Читинского областного совета проголосовали за проведение в области референдума по вопросу придания региону статуса республики. В Приморском крае при обсуждении краевым советом проекта Устава региона 6 июля не хватило семи голосов для того, чтобы принять декларацию об учреждении на территории края “государственного образования, имеющего конституционно-правовой статус республики в составе Российской Федерации”. Перед следующим голосованием из проекта исчезли понятия “суверенитет” и “государственно-территориальное образование”, хотя об особом статусе речь все же шла. Тем не менее 8 июля депутаты проголосовали против провозглашения края республикой, обратившись при этом к федеральным властям с просьбой уравнивать Приморье с республиками в экономических правах⁹. В июле 1993 г. решение о проведении областного референдума принял Малый совет Томского областного совета. В окончательной редакции вопрос о полномочиях Томской области ставился так: “Население Томской области на референдуме 3 октября 1993 г. решило: установить, что Томская область как составная часть Российской Федерации обладает полномочиями (правами и обязанностями), равными полномочиям республики в составе Российской Федерации” [Кынев 2020: 55]. Референдум был признан несостоявшимся из-за низкой явки избирателей – 24% [там же].

74 Следует заметить, что в Сибири получила развитие и “супрарегионалистская” идея. В июне 1993 г. на заседании Малого совета Иркутского областного совета обсуждался вопрос о создании Восточно-Сибирской республики в составе РФ путем объединения Иркутской области и Красноярского края¹⁰. Создание Сибирской республики обсуждалось в Новосибирске на совместном заседании президиумов Верховных советов автономных республик, малых советов краевых и областных советов Сибири. Все это вызывало серьезное беспокойство центра. В условиях неопределенности повышение публично-правового статуса “русских” регионов до уровня республик могло запустить непредсказуемый процесс эскалации новых требований, в том числе со стороны республик, которые весьма дорожили своим особым положением. Для сглаживания ситуации в Сибирь был отправлен вице-премьер Правительства РФ С.М. Шахрай. Отговаривая руководителей сибирских регионов и от повышения статуса, и от создания Сибирской республики, он заявил, что категорически против преобразования краев и областей в республики, хотя и допускает возможность создания государственно-территориальных субъектов федерации в будущем – “лет через 20 или даже через 200”¹¹.

Помимо названных случаев, имеются свидетельства о республиканских намерениях региональных элит Ростовской¹² и Кировской областей¹³. В целом в 1990-1993 гг. в “русских” регионах РФ возникло более десятка проектов

⁹ Сидоров И. Создается Приморская республика. *Коммерсантъ*. 08.07.1993.

¹⁰ Сидоров И. Объединяются сибирские регионы. *Коммерсантъ*. 01.07.1993.

¹¹ Шистерин О. Поездка Шахрая по Сибири. *Коммерсантъ*. 14.09.1993.

¹² *Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы*. 1996. Т. 9. М.: Юридическая литература. С. 166.

¹³ Там же. Т. 11. С. 117.

“реактивного регионализма”, направленных на повышение статуса до уровня республики, а в ряде случаев — на создание “супрарегиона”. Ни один из них не был реализован. В одних случаях (Тюменская область, Санкт-Петербург) были найдены компромиссные варианты, в других (Приморский край, Томская область) не хватило поддержки населения, а в ряде случаев вопрос был снят “силовым решением”. Последнее связано с тем, что в конце 1993 г. период неопределенности завершился. В декабре была принята новая Конституция, конфликт президента и Верховного совета закончился роспуском последнего, а те региональные руководители и органы власти, которые поддерживали Верховный совет, в том числе выдвигавшие республиканские проекты (Свердловская, Челябинская области), были уволены/распущены.

Нельзя не отметить, что “реактивный регионализм” принес некоторые результаты: хотя по Конституции республики получили определенные преференции (например, право устанавливать государственные языки), было провозглашено, что “во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны” (ст. 5.4). На практике уже в 1994 г. началось заключение двусторонних договоров между РФ и отдельными субъектами РФ, и первоначально такие договоры заключались именно с республиками (первыми были Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария), только с 1996 г. к этому процессу подключились “русские регионы” [Söderlund 2006: 94]. Более того, в условиях, когда многие вопросы решались путем “торга” между субъектами РФ и федеральным центром, в России сложилась асимметричная федерация, причем в наиболее проигрышном положении чаще всего оказывались “русские” области и края [Solnick 1998: 69].

Основания для неудовлетворенности “русских” регионов таким положением сохранялись и после 1993 г., однако количество регионалистских проектов резко сократилось. Как представляется, главная причина в том, что большая часть акторов представляли регионализм сверху, и, как подчеркивает П. Гуд, “элитный характер регионализма в том виде, в котором он развивался в России в 1990-е годы, оказался его величайшей слабостью: у центра было больше способов влиять на отдельных губернаторов, чем на настроения региональной общественности” [Goode 2010: 238]. Отказ большинства региональных элит от регионалистских проектов был связан и с тем, что, несмотря на свою относительную слабость, центр довольно искусно лавировал между разными региональными интересами, учитывал соотношение сил, идя на уступки в одних случаях и занимая более жесткую позицию в других. В обмен на лояльность центру региональные элиты, по крайней мере во многих регионах, получили контроль над ресурсами и политическими процессами [Matsuzato 2001].

В 2000-е годы выстраивание вертикали власти сильно ударило по субъектности регионов в их взаимоотношениях с центром, но если заглянуть за фасад централизации, обнаруживается, что центр по-прежнему умело выстраивает взаимоотношения с регионами на двусторонней основе. Кроме того, он жестко контролирует и вмешивается отнюдь не во все сферы политики, по-прежнему оставляя значительную часть ресурсов региональным элитам, что можно охарактеризовать как вполне рациональную стратегию с точки зрения принципал-агентской модели взаимоотношений [Sharafutdinova 2010]. В результате, несмотря на централизацию, особых стимулов к появлению регионалистских интенций у региональных элит не возникло. В то же время появились негативные стимулы, поскольку претензии на субъектность явно не приветствуются центром.

Таким образом, в тех регионах, где с точки зрения конфигурации акторов регионализм был сугубо элитным, во второй половине 1990-х годов регионалистские проекты исчезли. Правда, это не мешает появлению “регионализма снизу”, который выражается в деятельности активистов общественно-политических организаций. Однако без поддержки элит такого рода регионалистские проекты в условиях современной России обречены на маргинальное существование, примером чему являются Санкт-Петербург и Ленинградская область: после предоставления городу статуса субъекта РФ региональная элита утратила регионалистские интенции, а инициированные “снизу” регионалистские проекты “Свободного Петербурга” и Ингерманландии не получили широкой поддержки [Коцюбинский 2019]. Для данного исследования интерес представляют те случаи, где на протяжении второй половины 1990-х и в 2000-е годы складывалась (хотя бы на какое-то время) благоприятная для сохранения и продвижения регионалистских проектов конфигурация акторов, т.е. в продвижении и легитимации проекта участвовали и интеллектуалы, и региональные власти, и активисты снизу. Такие проекты обнаруживаются всего в трех неэтнических регионах России: Калининградской, Свердловской и Архангельской областях¹⁴. Поскольку во всех случаях конфигурация акторов менялась, анализ именно этих проектов в динамике позволяет ответить на поставленные вопросы.

УРАЛЬСКАЯ, ПОМОРСКАЯ, БАЛТИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКИ: ТРАЕКТОРИИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Сравнительный анализ трех случаев проводился по параметрам, вытекающим из теоретической модели и гипотезы исследования: конфигурация акторов (в динамике) и способы/основания легитимации регионалистского проекта (учитывались как бэкграунд, т.е. наличие у региона “материала”, который можно задействовать в легитимации, так и его использование). Суммарные результаты анализа представлены в таблице.

Своим рождением эти проекты “республиканизации” обязаны инициативам, исходившим от региональных элит еще до 1993 г., и во всех случаях они были важным элементом в политике губернаторов: Э.Э. Росселя в первый период его руководства Свердловской областью (1991-1993), Ю.С. Маточкина в Калининградской области (1991-1996), А.А. Ефремова в Архангельской области (1996-2004). Истоки проекта Уральской республики связаны с подготовкой в конце 1980-х годов эксперимента по введению в СССР механизма хозяйствования на основе самофинансирования и самоуправления. Изначально планировалось участие в эксперименте Свердловской области, и в ходе подготовки к нему была создана Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона “Большой Урал”. Нереализованность данного проекта во многом и предопределила дальнейшее развитие событий в Свердловской области: провозглашение Уральской республики, принятие Конституции и отстранение от должности губернатора Э.Э. Росселя. Идея повышения статуса Калининградской области, как отмечалось выше, впервые была озвучена Ю.С. Маточкиным в ходе выборов народных депутатов РСФСР в 1990 г. Став губернатором, Маточкин добился, несмотря на сопротивление вице-преьера С.М. Шахрая, открытия свободной экономической зоны “Янтарь” (1992-1996), разработки законопроекта о статусе Калининградской области (1992-1993), принятия специального

¹⁴ Этому критерию соответствуют и некоторые “супрарегионалистские” проекты, прежде всего идея Сибирской республики, но в силу специфики “супрарегионализма” он исключен из анализа.

президентского указа “О Калининградской области”, предоставившего региону ряд льгот. В Архангельской области идея Поморской республики, хотя и была выдвинута уже в 1990 г., на уровне региональной политики начала активно продвигаться только после избрания губернатором в 1996 г. А.А. Ефремова, который подчеркивал свое поморское происхождение и добивался включения поморов в реестр коренных малочисленных народов России.

Таблица (Table)

Сравнительный анализ трех регионалистских проектов
Comparative Analysis of Three Regionalist Projects

Параметры	Архангельская область	Калининградская область	Свердловская область
Становление проекта			
Публичная артикуляция регионалистского проекта	1990	1990	1992
Институционализация проекта (принятие решения органами региональной власти)	–	–	1993
Конфигурация акторов			
Регионализм сверху в 1990-е годы	++	++	++
Регионализм сверху в 2000-е годы	+	+	–
Регионализм сверху в 2010-е годы	+	–	–
Регионализм снизу в 1990-е годы (политические движения/партии)	–	++	++
Регионализм снизу в 2000-е годы (общественные организации)	++	++	+
Регионализм снизу в 2010-е годы (общественные организации)	++	+	+
Легитимация проекта			
География (бэкграунд)	+	++	–
Использование географической специфики в легитимации	+	++	–
Экономика (преференции: свободная экономическая зона, налоги и т.д.)	–	++	++
Этнический бэкграунд	–	+	–
“Этнизация” проекта	++	+	–
Исторический бэкграунд	+	++	+
Политическое использование прошлого / региональная историческая политика	++	++	–
Обеспокоенность федерального центра проблемой в 1990-е годы	+	+	++
Обеспокоенность федерального центра проблемой в 2000-е годы	–	+	–
Обеспокоенность федерального центра проблемой в 2010-е годы	+	++	–

Примечание. По выраженности признака: ++ сильно выраженный признак; + выраженный признак; – отсутствие признака или его слабая выраженность.

Динамика конфигурации акторов. После 1993 г. открыто возвращаться к идее Уральской республики было уже нельзя, но в значительной мере на ее основе во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов в Свердловской области сложилась оригинальная и, пожалуй, самая развитая в России региональная многопартийная система. Несмотря на то, что региональные партии выполняли инструментальную функцию политических машин, занимавшихся электоральной мобилизацией (“Преображение Урала” — в пользу Э.Э. Росселя, а “Наш дом — наш город” — его оппонента А.М. Чернецкого), конкуренция между ними в значительной мере определяла политическую повестку области, т.е. в латентном виде регионалистская идея продолжала существование. Однако в 2000-е годы региональные партии были ликвидированы, а сам Э.Э. Россель старался не вспоминать о регионалистском проекте, демонстрируя лояльность центру, что позволило ему оставаться губернатором до 2009 г. Тем не менее Уральская республика 1993 г. в каком-то смысле реинкарнировалась в 2000 г. в Уральский федеральный округ, по крайней мере этот статус многими воспринимается как “отступное” со стороны федерального центра.

Преемники Э.Э. Росселя (А.С. Мишарин, а затем Е.В. Куйвашев) не поддерживали регионалистские проекты, хотя порой и использовали “уральский патриотизм” в мобилизационных целях. В 2011 г., например, Мишарин предпринял попытку реанимировать “Преображение Урала” через создание культурно-просветительского движения “Бажовское” [Витковская, Назукина 2021: 79]. Регионалистские амбиции время от времени проявляются в среде активистов-общественников: в 2003–2006 гг. к идее Уральской республики обращалось “Уральское республиканское движение”, интеллектуалы, участвовавшие в разработке идеи Уральской республики, ежегодно отмечают годовщину ее провозглашения, в 2021 г. получило известность предложение депутата городской Думы Екатеринбурга А.Е. Колесникова создать Русскую республику¹⁵. В целом же в 2000-е годы после ликвидации региональных партий регионализм снизу в Свердловской области явно пошел на спад и в настоящее время выражается заметно слабее, чем в двух других проектах.

В Калининградской области Ю.С. Маточкин в начале своей губернаторской деятельности активно поддерживал предложение председателя регионального союза предпринимателей С.А. Пасько по созданию в 1992 г. Балтийской республиканской партии. Целями партии были трансформация области в республику в составе Российской Федерации; заключение отдельного договора о взаимодействии региона с ЕС; переименование Калининграда в Кенигсберг. В июне 2003 г. партия была ликвидирована как не имеющая своих представительств в иных регионах РФ. Ее место пыталось занять созданное в феврале 2006 г. калининградское региональное общественное движение “Республика” (КОД “Республика”), но существенной роли в регионалистском движении оно не сыграло.

Что касается руководителей области, после поражения Ю.С. Маточкина на губернаторских выборах в 1996 г. последующие губернаторы не проявляли особого интереса к регионалистским идеям, но проблема публично-правового статуса региона остается в публичной повестке. Идеи выдвигались самые разные, например, переселение в данный регион российских немцев и преоб-

¹⁵ Родионов Д. Русская республика: 46 областей, столица — Екатеринбург. *Свободная пресса*. 25.02.2021. <https://svpressa.ru/society/article/290894/> (accessed 14.04.2021).

разование его в Балтийскую немецкую республику в составе России; передача области Польше или Литве; возврат области Германии; воссоздание (правда, уже в суверенном варианте) Восточной Пруссии на бывших прусских землях, находящихся ныне в составе России, Польши и Литвы; установление над областью совместного управления при разных вариантах участников (Европейский союз, Россия, Германия, Польша, Литва, Швеция); превращение области в новое Прибалтийское государство [Стратегии развития... 2007: 21]. В 2004 г. вице-спикер Калининградской областной думы, член “Единой России” С.Д. Козлов предложил еще один сценарий: придать эксклаву статус “заграничной территории РФ”, зафиксировав тем самым де-юре то, что уже существует де-факто¹⁶.

В Архангельской области регионалистская идея развивалась в 2000-е годы при явной поддержке региональной власти. В отличие от Калининградской и Свердловской областей, здесь в 1990-е годы не сложились регионалистских партий, но в 1992 г. было создано общественное движение “Поморское возрождение”. В программной статье, опубликованной еще в 1991 г., лидер И.И. Мосеев заявлял: “Наша область, на территории которой расположено несколько европейских государств, сама должна стать суверенной, т.е. субъектом федерации. Архангельское общество ‘Поморское возрождение’ предлагает руководству области рассмотреть возможность создания самостоятельной, интернациональной, экономически независимой Поморской республики в составе РСФСР”¹⁷.

Общественные инициативы по созданию Поморской республики активизировались накануне Всероссийской переписи населения 2002 г. [Российская Арктика... 2016: 83], руководство области добилось включения поморов в переписные листы среди других национальностей и этнических наименований. Однако в 2010-е годы против лидеров поморского движения были выдвинуты обвинения в сепаратизме, а И.И. Мосеев был подвергнут судебному преследованию [Шабаетов 2016: 316]. Тем не менее региональные власти по-прежнему лояльно относятся к проектам, подчеркивающим специфику области. Правда, если А.А. Ефремов поддерживал поморское движение, в последние годы руководители области в большей мере ориентируются на “этнически нейтральные” темы Арктики и/или Русского Севера. Так, среди возможных вариантов наименования для нового субъекта федерации, который должен был быть создан в результате объединения в 2020 г. Архангельской области и Ненецкого автономного округа, рассматривались и Поморский край, и Северный край.

Способы легитимации. Проект Уральской республики был нацелен на быстрое решение вполне определенной политико-управленческой, даже скорее политико-экономической задачи — получить те же экономические преференции, какие имели республики. Хотя интеллектуалы часто рассуждают об уральской идентичности и уникальности (“земля свободы”, “раскольничий край” и т.д.)¹⁸, в основном идея Уральской республики легитимировалась через апелляцию к инструментальным интересам. Как признавался впоследствии один из лидеров регионалистского движения А. Баков, “республику пришлось выдумывать,

¹⁶ Судьба самого западного субъекта России — Калининградской области по-прежнему многим не дает покоя. *Эхо Москвы*. 15.02.2005. <https://echo.msk.ru/news/232461.html> (accessed 14.04.2021).

¹⁷ Мосеев И. Мы — за Поморскую республику. *Волна*. 03.01.1991. С. 2.

¹⁸ Сеньшин Е. Россия, но не Московия. Что такое уральская идентичность и почему Екатеринбург — один из самых непокорных городов страны. *Новая газета*. 11.02.2021. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/11/89164-rossiya-no-ne-moskoviya> (accessed 14.04.2021).

у нас же не было ни истории, ни языка, ни культуры... Вообще Свердловская область ничего отдельного собой не представляет, потому что ни с историей, ни с культурой как-то не получается” [Герасименко 2014]. В качестве исторического бэкграунда можно было использовать, пожалуй, только Временное областное правительство Урала периода гражданской войны или Уральскую область, существовавшую в 1923-1934 гг., но это не было востребовано, возможно, по причине слабости в качестве обоснования и оправдания проекта.

В архангельском регионализме ставка была сделана на сотворение поморского этнического мифа [Шабаетов, Садохин 2012: 129-130], автором которого стал ректор местного (Поморского!) педагогического университета В.Н. Булатов. Им была разработана концепция “Большого Поморья”, согласно которой с XVI в. Русский Север назывался Поморьем и занимал территорию в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки. Поморье до XVIII в. развивалось относительно обособленно от России и обладало собственным сложившимся поморским этносом с отдельными признаками четвертой восточнославянской нации — северороссов, окончательному оформлению которой помешала политика Москвы. Свое выражение данная концепция нашла в пятитомном труде Булатова “Русский Север” (1997-2001) и первом томе “Поморской энциклопедии” (2001), подготовка которой им была инициирована еще в 1993 г. Поморский миф, принятый властвовавшей элитой Архангельской области, более двадцати лет выступал доминирующим элементом региональной исторической политики.

Для легитимации идеи Балтийской республики использовалась комбинация разных аргументов. Еще в 1990 г. в своей предвыборной программе Ю.С. Маточкин заявлял: “мы живем не просто на территории РСФСР, а на территории, которая имеет особое географическое, экономическое, политическое и историческое положение”¹⁹. Действительно, географическая специфика — эксклавность и близость к Европе — выглядит убедительным обоснованием необходимости создания свободной экономической зоны, к чему стремились и чего в итоге добились руководители области. Другое очевидное для региона обоснование инаковости — особый исторический бэкграунд — вызывает дискуссии, поскольку акцент на восточнопрусское прошлое нередко истолковывается как “воспитание у учащихся сепаратизма и прогерманской ориентации”²⁰.

Поддержка. Эмпирические данные свидетельствуют, что наиболее успешен с точки зрения общественной поддержки регионалистских идей Калининградский проект. По данным социологических обследований, в 2001 г. 81,3% жителей области были уверены в необходимости изменения статуса региона (в том или ином варианте). Правда, в 2000-е годы эта доля стала снижаться: в 2005 г. (после вступления Польши и Литвы в ЕС) она составила 76%, в 2016 г. — 69,4%, а в 2019 г. упала до 60%²¹.

¹⁹ Возвращение к корням “сепаратизма” в “Калининградской области”. *Балтийская республиканская партия*. 28.06.2011. <http://koenigsberg-eu-russian.blogspot.com/2011/06/> (accessed 14.04.2021).

²⁰ Открытое письмо министру образования России. *Вести-Калининград*. 12.07.2017. <https://vesti-kaliningrad.ru/otkrytoe-pismo-ministru-obrazovaniya-rossii/> (accessed 14.04.2021).

²¹ За 2001, 2005 и 2016 г. представлены результаты опросов, проводившихся университетскими специалистами [Жуковский, Фидря 2015: 78, 81], за 2019 г. — исследовательской компанией КМГ. См. Дрейф общественного мнения или калининградцы 16 лет спустя. *КМГ*. 24.09.2019. <http://kmggroup.ru/2019/09/24/dreif-obshhestvennogo-mneniya-ili-kaliningradcy-16-let-spustya/> (accessed 14.04.2021).

Идея Поморской республики пользовалась наибольшей общественной поддержкой в 1990-е годы – в период первой кампании по выборам губернатора Архангельской области в 1996 г., когда, по данным соцопросов, к ней сочувственно относились до 20% респондентов [Дрегалю, Ульяновский 2010: 398]. Вместе с тем, несмотря на поддержку “поморского вектора” развития Архангельской области со стороны властей, поморский этнический миф большинством населения принят не был. Более того, количество жителей области, идентифицировавших себя с поморами, сократилось с 6 571 человек (2002 г.) до 3 113 (2010 г.)²².

Сам по себе факт проведения опросов общественного мнения по отношению к регионалистским проектам свидетельствует о том, что они имеют значимую общественную поддержку, как минимум присутствуют в публичной повестке. В этом смысле показательно, что в Свердловской области, в отличие от двух других случаев, такого рода опросов не проводилось, по крайней мере упоминания о них отсутствуют в информационном пространстве. На основании этого, а также экспертных оценок можно сделать вывод, что, хотя Уральская республика – единственный случай институционализации проекта (только здесь в 1993 г. была официально принята Конституция), с точки зрения динамики общественной поддержки этот проект оказался наименее успешным.

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ трех регионалистских проектов указывает на существенные различия в динамике конфигурации акторов. Проект Уральской республики в 1990-е годы продвигался “сверху”, но имел и поддержку “снизу”. Позднее, в 2000-е годы, власти предпочитали о нем не вспоминать, дабы не портить отношения с центром. В итоге произошла маргинализация проекта. Руководители Калининградской области в 2000-е годы также не настаивали на продвижении проекта, довольствуясь тем, что было достигнуто в 1990-е годы (свободная экономическая зона), тем не менее “регионализм снизу” в лице общественных организаций сохранился в большей мере, чем в Свердловской области. Архангельский случай демонстрирует противоположную траекторию: руководство области продолжало поддерживать идею Поморья и в 2000-е годы, а “регионализм снизу” сохраняется, даже несмотря на преследование некоторых активистов. Принципиально различны и способы легитимации регионалистских проектов. В Уральской республике акцент был сделан на экономические выгоды (инструментальная легитимация), в Поморской – на этническую специфику региона (вероятно, именно по этой причине центр не препятствовал развитию проекта), в Балтийской – на особое географическое положение, а также на историческую и геополитическую специфику региона.

Поскольку с точки зрения общественной поддержки наиболее успешен калининградский регионалистский проект, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично. Наличие благоприятной конфигурации акторов не является решающим фактором для обретения проектом общественной поддержки. Более

²² Всероссийская перепись населения 2002 г. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (accessed 14.04.2021); Всероссийская перепись населения 2010 г. https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 14.04.2021).

важна эффективная легитимация проекта. В Архангельской области, где расклад акторов был наиболее благоприятным, “этнизация” регионалистской идеи не нашла широкой поддержки, тогда как население Калининградской области, напротив, продолжало позитивно относиться к регионалистской идее даже тогда, когда власть перестала ее продвигать.

Разумеется, нельзя утверждать, что какой-то один способ легитимации “лучший”, более эффективными оказываются те способы, которые базируются на более основательном бэкграунде. Тем не менее, как показывает архангельский случай, в неэтнических регионах попытка “этнизации” проекта имеет меньше шансов на успех, поскольку этничность как таковая выступает исключительной категорией. Менее эффективен акцент на экономические выгоды региона. При всей важности инструментальных интересов легитимация все же требует конструирования более сильных в эмоциональном отношении смыслов.

Ни один из трех проектов не реализован, однако их потенциал отнюдь не исчерпан. Наполняясь новым содержанием, этот потенциал пребывает в относительно спящем состоянии до вероятного ослабления федерального центра. При этом необходимо подчеркнуть, что регионализм во всех его проявлениях не является сепаратизмом. Предполагая трансформацию взаимоотношений между центром и регионами на соответствующих XXI веку принципах *multi-level governance*, он не представляет угрозу государству как таковому.

DOI: [10.17976/jpps/2022.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.07)

REGIONALIST PROJECTS IN NON-ETHNIC REGIONS OF RUSSIA: ACTORS, LEGITIMATION, OUTCOMES

I.K. Kiryanov¹, P.V. Panov²

¹ Perm State National Research University. Perm, Russia

² Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Perm, Russia

KIRYANOV, Igor Konstantinovich, Dr. Sci. (Hist. Sci.), Professor, Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University, email: ikiryanov@yandex.ru; **PANOV, Petr Vyacheslavovich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Leading Researcher, Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, email: panov.petr@gmail.com

Kiryanov, I.K., Panov, P.V. (2022). Regionalist projects in non-ethnic regions of Russia: actors, legitimation, outcomes. *Polis. Political Studies*, 1, 67-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.07>

Acknowledgements. The first and the third parts of the article were prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation. Research grant №19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)”. The research was conducted at the Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. The second part of the article was prepared in the framework of the research theme “Socio-cultural and political dynamics of Russian society in the XIX – early XXI centuries” (Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University).

Received: 13.05.2021. Accepted: 05.07.2021

Abstract. Regionalist movements in post-Soviet Russia have been well studied in relation to ethnic republics, but in the “situation of uncertainty” of the early 1990s, regionalist projects have become widespread in non-ethnic regions as well. It was clearly expressed as “reactive regionalism”. Fearing that in the context of increasing powers of the republics, “Russian” oblasts and krajs would turn out to be “second-rate” regions, regional elites put forward projects aimed at raising their status to the level of republics. Despite the fact that since the second half of the 1990s, regionalism had declined, in some regions, regionalist projects endured. The purpose of the article is to determine how non-ethnic regionalist projects are legitimized and reproduced. Theoretically, their effectiveness is explained by the actor constellation and the extent to which the actors manage to fill them with legitimate meanings. The most

favorable constellation is when all three groups of actors are involved in promoting the project: regional authorities (“top-down regionalism”), activists (“bottom-up regionalism”), and intellectuals. Therefore, for an in-depth study, those regionalist projects, where a favorable actor constellation formed after the middle of 1990s, have been selected: The Baltic republic in the Kaliningrad oblast’, The Ural republic in the Sverdlovsk oblast’, and the Pomor republic in the Arkhangelsk oblast’. As the constellation changed over time, a comparative analysis of these projects in dynamics makes it possible to answer the research question. Our findings reveal that a favorable actor constellation is not a decisive factor for a project to gain public support. More important is the effective legitimation of the project. In the Arkhangelsk oblast’, where actor constellation was the most favorable, the “ethnicization” of the regionalist idea did not meet wide public support, while the population of the Kaliningrad oblast’, on the contrary, continued to have a positive attitude to the regionalist idea even in the 2000s, when the authorities had stopped promoting it.

Keywords: regionalism, regionalist project, actor constellation, legitimation, support, comparative analysis.

References

- Cartrite, B., & Miodownik, D. (2016). Determinants of regional political distinctiveness. *Nationalism and Ethnic Politics*, 22(2), 119-148. <https://doi.org/10.1080/13537113.2016.1169057>
- Dandoy, R. (2010). Ethno-regionalist parties in Europe: a typology. *Perspectives on Federalism*, 2, 194-220.
- Fitjar, R. (2010). Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe. *European Journal of Political Research*, 49, 522-544. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x>
- Giuliano, E. (2006). Secessionism from the bottom up: democratization, Nationalism, and local accountability in the Russian transition. *World Politics*, 58(1), 276-310. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0025>
- Goode, P. (2010). The fall and rise of regionalism? *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 26(2), 233-256. <https://doi.org/10.1080/13523271003712583>
- Gorenburg, D. 2003. *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. New York: Cambridge University Press.
- Hale, H. (2008). *The foundations of ethnic politics: separatism of states and nations in Eurasia and the world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hombrado, A. (2011). Learning to catch the wave? Regional demands for constitutional change in contexts of asymmetrical arrangements. *Regional & Federal Studies*, 21(4-5), 479-501. <http://dx.doi.org/10.1080/13597566.2011.578943>
- Jeffery, C. (2009). New research agendas on regional party competition. *Regional & Federal Studies*, 19(4-5), 639-650. <https://doi.org/10.1080/13597560903310436>
- Keating, M. (n.d.). Regionalism and regionalization. In *The Princeton Encyclopedia of Self-Determination*. Princeton: Princeton University. <https://pesd.princeton.edu/node/626>
- Massetti, E., & Schakel, A. (2016). Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism. *Party Politics*, 22(1), 59-79. <https://doi.org/10.1177/1354068813511380>
- Matsuzato, K. (2001). From communist boss politics to post-communist caciquismo – the meso-elite and meso-governments in post-communist countries. *Communist and Post-Communist Studies*, 34(2), 175-201. [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(01\)00007-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(01)00007-1)
- Dandoy, R., & Schakel, A. (Ed.) (2013). *Regional and National Elections in Western Europe. Territoriality of the Vote in Thirteen Countries*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Schakel, A. (Ed.) (2017). *Regional and National Elections in Eastern Europe. Territoriality of the Vote in Ten Countries*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Sharafutdinova, G. (2010). Subnational governance in Russia: how Putin changed the contract with his agents and the problems it created for Medvedev. *Publius: The Journal of Federalism*, 40(4), 672-696. <https://doi.org/10.1093/publius/pjp036>
- Shcherbak, A. (2015). Nationalism in the USSR: a historical and comparative perspective. *Nationalities Papers*, 43(6), 866-885. <https://doi.org/10.1080/00905992.2015.1072811>
- Söderlund, P. (2006). *The dynamics of federalism in Russia: a study of formal and informal power resources of the regional chief executives in Russian centre-region relations*. Åbo: Åbo Akademi University Press.
- Solnick, S. (1998). Will Russia Survive? Center and periphery in the Russian Federation. In *Post-Soviet political order: Conflict and State Building* (pp. 58-80). London, New York: Routledge.
- Treisman, D. (1997). Russia’s “ethnic revival”: the separatist activism of regional leaders in a postcommunist order. *World Politics*, 49, 212-249. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0006>

Berger P., & Luckmann, T. (1995). The social construction of reality. a treatise on sociology of knowledge. (Russ. ed.: Berger, P., Luckmann, T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Moscow: Medium).

Busygina, I. (2006). Politicheskaya regionalistika [Political regional studies]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Dregalo, A.A., & Ulyanovskiy, V.I. (2010). Sociologiya regional'nykh transformatsiy [Sociology of regional transformations]. Arkhangel'sk: Northern (Arctic) Federal University. (In Russ.)

Gerasimenko, O. (2014). Needinaya Rossiya [Non-united Russia]. Moscow: Common place. (In Russ.)

Klemeshev, A., & Mau, V. (2007). Strategii razvitiya Kaliningradskoy oblasti [Development strategies of the Kaliningrad region]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ. (In Russ.)

Knyazev, V.V. (2015). Chelyabinsk region in times of political crisis (1991-1993). *Tomsk State University Journal of History*, 1, 41-46. (In Russ.) <http://journals.tsu.ru/engine/download.php?id=44129&area=files>

Kotsyubinsky, D.A. (2019). Symbols of St. Petersburg's regionalism: an attempt to create new urban symbols and the reasons for its failure in the 1990-2000s. *Public Policy*, 1, 89-110. (In Russ.)

Kynev, A.V. (2020). Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniymi [Governors in Russia: between elections and appointments]. Moscow: Fund "Liberal'naya missiya". (In Russ.)

Mineev, A.P. (2015). On the Issue of political foreign culture of Russian regions. *Current Problems of Europe*, 1, 81-98. (In Russ.)

Moshkin, S.V. (2013). Ural Republic. Chronicle. *Diskurs-PI*, 13, 103-107. (In Russ.)

Muzaev, T. (1999). *Etnicheskij separatizm v Rossii* [Ethnic separatism in Russia]. Moscow: Panorama. (In Russ.)

Nazukina, M.V. (2020). Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions. *Political Science (RU)*, 4, 200-220. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Okunev, I. Y. (2019). *Politicheskaya geografiya* [Political geography]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Osipov, I.V. (2018). The project of the creation of the Ural Republic in 1993. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 3, 143-161. (In Russ.)

Panov, P.V. (2020). Many faces of regionalism. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, 102-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>

Podvintsev, O. (2016). Rossijskaya Arktika v poiskah integral'noj identichnosti [The Russian Arctic in search of integral identity]. Moscow: Novyj hronograf. (In Russ.)

Shabaev, Y.P. (2016). Russkij Sever i Pomor'e v simvolicheskom i kul'turnom landshafte Evropejskogo Severa RF i v etnopolitike [Russian North and Pomorie in the symbolic and cultural landscape of the European North of the Russian Federation and in ethnopolitics]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 3, 295-320. (In Russ.)

Shabaev, Y.P., & Sadokhin, A.P. (2012). Regionalism and ethnicity in the space of public policy: ideologies and political practices. *Political Expertise Journal*, 2, 126-149. (In Russ.)

Sulimov, K.A. (2020). Lawsuit vs amendment: Russian regions activity dynamics in using constitutional court appeals and legislative initiatives at federal level. *Ars Administrandi*, 4, 556-576. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-4-556-576>

Turovskij, R.F. (2006). Politicheskaya regionalistika [Political regional studies]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE. (In Russ.)

Vitkovskaja, T., & Nazukina, M. (2021). The trajectory of the development of regionalism in Russia: practices of Sverdlovsk oblast and the Republic of Tatarstan. *Universe of Russia*, 30, 1, 67-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>

Yarovoy, G.O. (2007). Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope [Regionalism and cross-border cooperation in Europe]. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)

Zhukovsky, I.I., & Fidrya, E.S. (2015). The perception of Kaliningrad region inhabitants of the regions' status: dynamics 2001-2016 and factors in preference formation. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 6, 73-89. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 323 с.

Бусыгина И.М. 2006. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН. 280 с.

Витковская Т.Б., Назукина М.В. 2021. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан. *Мир России*. Т. 30. № 1. С. 67-87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>

Герасименко О. 2014. Неединая Россия. М.: Common place. 116 с.

Дрегалo А.А., Ульяновский В.И. 2010. *Социология региональных трансформаций: в 2-х тт. Т. 1. Региональный социум 1989-1998: от надежды к разочарованию*. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет. 493 с.

Жуковский И.И., Фидря Е.С. 2015. Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2011-2016 и факторы формирования предпочтений. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. № 6. С. 73-89.

Князев В.В. 2015. Челябинская область в условиях политического кризиса (1991-1993 гг.). *Вестник Томского государственного университета. История*. № 1. С. 41-46. <http://journals.tsu.ru/engine/download.php?id=44129&area=files>

Коцюбинский Д.А. 2019. Символика петербургского регионализма: попытка создания новых городских символов и причины ее неудачи в 1990-2000-х гг. *Публичная политика*. № 1. С. 89-110.

Кынев А.В. 2020. *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. М.: Фонд "Либеральная миссия". 1030 с.

Минеев А.П. 2015. К вопросу о политической инокультурности российских регионов. *Актуальные проблемы Европы: вызовы сепаратизма*. № 1. С. 81-98.

Мошкин С.В. 2013. Уральская республика. Хроники. *Дискурс-ПИ*. № 13. С. 103-107.

Музаев Т. 1999. *Этнический сепаратизм в России*. М.: Центр "Панорама". 331 с.

Назукина М.В. 2020. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов. — *Политическая наука*. № 4. С. 200-220. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Окунев И. Ю. 2019. *Политическая география*. М.: Аспект Пресс. 512 с.

Осипов И.В. 2018. Проект создания Уральской республики в 1993 г. *Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. № 3. С. 143-161.

Панов П.В. 2020. Многоликий регионализм. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 1. С. 102-115. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>

Российская Арктика в поисках интегральной идентичности. 2016. Отв. ред. О.Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф. 208 с.

Стратегии развития Калининградской области. 2007. Под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. 472 с.

Сулимов К.А. 2020. Оспаривание vs коррекция: динамика активности российских регионов в использовании обращений в Конституционный суд и законодательной инициативы на федеральном уровне. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. № 4. С. 556-576. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-4-556-576>

Туровский Р.Ф. 2006. *Политическая регионалистика*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 780 с.

Шабаев Ю.П. 2016. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике. *Человек. Культура. Образование*. № 3. С. 295-320.

Шабаев Ю.П., Садохин А.П. 2012. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики. *Политэкс*. № 2. С. 126-149.

Яровой Г.О. 2007. *Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе*. СПб.: Норма. 280 с.